

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Эволюция понятия "язык для специальных целей"

Свириденко Ольга Юрьевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Жуковский, Россия

E-mail: olga-sviri88@yandex.ru

Идея «языка для специальных целей», или LSP появилась в отечественной и зарубежной методике преподавания иностранных языков еще в 50-х-60-х гг. 20 века. До 80-х годов 20 века «язык науки» рассматривался как отечественными, так и зарубежными исследователями как функциональный стиль языка, соответственно, его особенности изучались с этой точки зрения, предметом изучения был именно «язык научного стиля». В отечественной школе разработка теории научной речи шла одновременно по пути дескрипции (описания) и пути прескрипции (рекомендаций), но описание имело приоритет. Поскольку самой семантически нагруженной частью языка является лексика, долгое время внимание исследователей было сосредоточено на изучении лексических особенностей языка научного стиля. Вопрос о том, какие именно тексты следует относить к научному стилю и, соответственно, на каком именно материале производить анализ его особенностей и собственно обучение студентов, также являлся предметом обсуждения. Поскольку ведущей категорией научного стиля является клишированность, на основе которой и моделируется научный текст [2], особое внимание уделялось также рассмотрению морфо-синтаксической и лексико-фразеологической сочетаемости слов.

В 90-е гг. появился сам термин «язык для специальных целей». Он впервые был сформулирован в 1996 году А.И.Комаровой: «Термин «язык для специальных целей» применяется для обозначения той разновидности языка, которая обладает понятийной ориентацией (т.е. используется для общения на ту или иную специальную тему) и характеризуется рядом языковых свойств, в известной мере ограничивающих и уточняющих нормы бытового общения (т.е. идиоматически полноценного языка в его онтологической первичной функции общения)». [1] А.И.Комаровой был сделан вывод, что язык для специальных целей отличается от других типов языков именно своей функцией и ограниченностью набора тем, а соответственно, языковых единиц. Поскольку в дальнейшем автор затрагивает тему соотношения «общенаучной» и строго научной лексики, можно сказать, что фактически под «специальными темами общения» подразумеваются научные темы. Таким образом, видно, что в отечественной школе исследователи долгое время не меняли взгляд на понятие «язык для специальных целей», фактически оставаясь в рамках заданного в 50-60 гг. направления.

В случае же с западными учеными можно наблюдать значительную перемену направления изучения. В конце 60-х-70-х гг. 20 века Халлидей [3] определял язык для специальных целей как особую систему языковых средств, объединенных тематически и соответствующих определенной сфере человеческой деятельности, что совпадает с позицией российских филологов. Однако в связи с изменением концепции в методике преподавания и смещением акцента с преподавателя на ученика с его потребностями и особенностями, язык для специальных целей (LSP) из исключительно функционально-стилистической категории перешел в методическую: “ESP is not a product, i.e. a type of

language, but rather it is an approach to language teaching which is directed by specific and apparent reasons for learning” [4].

Хатчинсон и Уотерс [4] предложили основанную на выделении трех областей знания (естественнонаучного, гуманитарного, делового) классификацию языка для специальных целей. Они же разделили язык каждой из этих областей знания в зависимости от конкретных целей на собственно язык профессионального общения, или LOP (Language for Occupational Purposes), и язык для академических целей - LAP (Language for Academic Purposes). Каждая категория приобретает относительно четкие границы – именно относительно, поскольку LAP и LOP во многом пересекаются: «People can work and study simultaneously; it is also likely that in many cases the language learnt for immediate use in a study environment will be used later when the student takes up, or returns to, a job”[4].

Различие в понимании этого термина между отечественными и западными исследователями, таким образом, происходит из приоритетного способа изучения этого явления: если в отечественной школе была первична дескрипция, то западные филологи пошли по пути прескрипции, сместив акцент с изучения самого явления на анализ потребностей учащихся. Главными стали умения и навыки, приобретаемые в рамках данного курса и позволяющие эффективно общаться на профессиональные темы. Необходимо также отметить, что профессиональное общение не было ограничено исключительно научной тематикой.

Можно сделать вывод, что термин «язык для специальных целей» имеет различное толкование в отечественной и западной школе в силу того, что исследование этого явления пошло разными путями. Если западные исследователи продолжили классификацию языка для специальных целей по сферам использования и изучению набора конкретных умений, которым должен овладеть учащийся для эффективного общения в рамках особого вида деятельности, то отечественные сосредоточились на изучении присущих ему как особому функциональному стилю свойств.

В настоящее время выделить существенные различия в толковании понятия «язык для специальных целей» российскими и западными специалистами не представляется возможным, поскольку в результате интеграции систем образования России и Западной Европы в разных научных школах сформировались схожие взгляды на данное явление.

Литература

1. Комарова А.И. «Язык для специальных целей (LSP): теория и метод». М., 1996
2. Тер-Минасова С.Г. «Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков» М., 1986
3. Halliday, M. A. K. Language as social semiotic. London: Edward Arnold, 1978
4. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: a Learner-centered Approach. Cambridge, 1987